

ИЗУЧАЕМ ПУБЛИЦИСТИКУ

В духовной жизни России очень существенную роль выполнял такой вид словесности, как публицистика. Проповеди и поучения основателей державы Российской и отцов церкви, яростное слово протопопа Аввакума, горестные раздумья Радищева, переписка Белинского с Гоголем, идеологическая полемика между «западниками» и «славянофилами», писательский дневник Достоевского, «Не могу молчать!» Льва Толстого... — эти произведения, как правило, становились бродилом общественной мысли.

И в XX веке публицистика всегда выходила на линию огня — она становилась полем бурной дискуссии о русских революциях 1905 и 1917 годов, статьи Ильи Эренбурга зажигали сердца солдат Великой Отечественной, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, открытые письма Л. Чуковской, В. Войновича, Г. Владимова взрывали иллюзорное благополучие застойных времен...

Сила воздействия идей, которые несли эти творения, в значительной степени определялась тем, что их авторы обнаруживали мастерское владение специфической поэтикой, свойственной публицистике как особому виду словесности.

А между тем в школьном курсе литературы этот пласт словесности фактически отсутствует. А те два-три публицистические произведения, которые включены в список программных текстов, не «повернуты» к их изучению как особых художественных явлений.

Статьями, которые помещены в этой рубрике, мы пытаемся, во-первых, привлечь внимание учителей и методистов к проблеме изучения публицистики в школе и, во-вторых, предложить исследовательские подходы к анализу публицистики сквозь призму ее поэтики.

Материал статей сосредоточен вокруг одного историко-литературного феномена — публицистики периода революции и гражданской войны (1917-1920 гг.). В центре внимания те шедевры отечественной публицистики, которые давно вошли в круг школьного изучения и нуждаются в новом прочтении, свободном от политической конъюнктурности, или которые только стали входить и оттого требуют выработки соответствующих методических подходов.

Н.Л. Лейдерман

ПРИСТРАСТНОЕ СЛОВО

ПУБЛИЦИСТИКА 1917-1920-х ГОДОВ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Если попытаться одним словом охарактеризовать духовную атмосферу первых лет после Октября, то, вероятно, здесь наиболее подходит термин «субъективность». Тому есть два главных объяснения.

Революция возбудила колоссальное напряжение эмоциональной жизни отдельного человека и всего общества. Это и озаренность надеждой на решительное обновление социального устройства России, и реакция на тотальный взрыв всех устоев, и трагические переживания, вызванные взаимной жесточенностью воюющих сторон, массовыми репрессиями властей, менявшихся с калейдоскопической пестротой.

А другая причина — новый виток исторической спирали только начинался. О том, куда он приведет, можно было только мечтать или предполагать. Поэтому в такие годы наиболее распространены способами освоения реальности становятся субъективные впечатления — эмоциональные реакции, настроения, чувствования.

В такие времена самыми востребованными оказываются способы субъективного высказывания. Так и случилось в первые годы после Октября: «формами времени» стали такие виды словесности, жанры и стили, в которых господствует *лирическая доминанта*. Одна ее ипостась — это собственно лирическая поэзия. А другая ее ипостась — это публицистика, которую не случайно называют лирикой в прозе, ибо публицистика по определению — это всегда открытое, подчеркнуто личное выражение авторской позиции.

Революции всегда нуждаются в своих глашатаях. Достаточно вспомнить ораторов времен Великой французской революции. В революционной России родилась целая плеяда ораторов — политиков, комиссаров, пропагандистов. Здесь были свои гении всероссийского масштаба, вроде Троцкого, Луначарского, Бухарина, но и в самых малых околотках, и в самых отдаленных уголках страны были свои местные трибуны, свои корифеи публичного слова. Блистательные ораторы, мастера устного слова, остроумные полемисты, публичные трибуны, великолепно чувствующие свою аудиторию, изобретательные импровизаторы, умеющие довести сотни и даже тысячи слушателей до экстаза. Легендой стала история о том, как Троцкий распропагандировал отборную Дикую дивизию, направлявшуюся к

Наум Лазаревич Лейдерман — доктор филологических наук, профессор кафедры современной русской литературы Уральского государственного педагогического университета.

Питеру для поддержки корниловского мятежа. Лекции Луначарского превращались в подлинные театральные представления.

Речи и выступления ораторов — это самая интенсивная, самая распространенная форма публицистики времен гражданской войны. Однако, это устная публицистика, поэтому многие ораторские шедевры не сохранились в записях. Их еще предстоит каким-то образом восстановить. Но в те же годы получили широчайшее распространение весьма специфические формы письменной публицистики: воззвания, манифесты и декларации, листовки, лозунги, подписи на агитационных рисунках. (Например, в Москве выходили «Окна РОСТА» с рисунками и стихотворными подписями Маяковского, а в Одессе «Окна ЮгРОСТА» — с рисунками молодого Бориса Ефимова и подписями Э. Багрицкого.) Что же до традиционных жанров публицистики, то именно в 1917–20 гг. были созданы ярчайшие образцы — сборники газетных выступлений, статьи-обращения, дневники, открытые письма.

Политической публицистике отдали дань практически все выдающиеся русские писатели. Среди них не только такие опытные мастера острого, аналитического слова, как Зинаида Гиппиус и Аркадий Аверченко¹, но и те, кто никогда ранее не обращался к этому виду словесности: и мэтр русского символизма Андрей Белый («Революция и культура»), и хранитель народно-поэтических традиций А.М. Ремизов («Слово о гибели Русской земли»), и молодой адепт художественного авангарда Илья Эренбург². Никто из них не смог бесстрастно лицезреть свершающийся исторический апокалипсис, каждый считал необходимым публично высказать свое отношение к главному событию времени — к Октябрьской революции. Для характеристики основных тенденций в публицистике 1917 — начала 20-х годов рассмотрим наиболее значительные выступления. Их авторы — выдающиеся

русские писатели: Александр Блок, Иван Бунин, Максим Горький. В годы гражданской войны каждый создал свой публицистический шедевр.

Поразительна крайняя поляризация политических воззрений авторов. Парадоксальная «рокировка» позиций.

Александр Блок — коренной петербуржец, рафинированный интеллигент, кумир русской богемы, рыцарь Прекрасной Дамы, весьма отвлеченно представлявший жизнь народной массы. Иван Бунин — человек, выбившийся из провинциальной глуши, автор «Деревни» и «Суходола», горьких и жестких картин вырождения и распада предреволюционной России. Но аристократ Блок восторженно принял Октябрь, а Бунин решительно отверг новый режим. На промежуточной позиции оказался Горький: он, кого называли «буревестником революции», всячески защищал демократические идеалы революции, но никак не мог согласиться с их грубым и циничным искажением в политике большевиков. Все эти публицистические произведения соотносимы хронологически: книга Горького «Несвоевременные мысли» собрана из газетных статей, которые печатались с апреля 1917 по июнь 1918 года, статью «Интеллигенция и революция» Блок писал в январе 1918 года, а дневниковые записи Бунина в «Окаянных днях» начинаются с 1 января 1918 года. Каковы же аргументы каждого из авторов и какими способами каждый старается убедить читателя в своей правоте?

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА А. БЛОКА: СТАТЬЯ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ»

Как известно, Блок разделял историософский миф о роковой судьбе России, согласно которому она обречена быть искупительной жертвой за грехи едва ли не всего человечества. Этот миф был довольно широко распространен в кругах мистически настроенных русских мыслителей и художников, но именно Блок придал ему максимальную художественную выразительность в стихах, вошедших в цикл «Родина» (1907–1916), где исторический путь России ассоциировался со «стрелой татарской древней воли», представлялся как «вечный бой», как череда страданий и бед, самообманов и прозрений, сквозь которые она должна пройти, исполняя свою священную миссию.

Блок писал свою статью «Интеллигенция и революция» спустя всего два месяца после Октябрьского переворота. Еще сильна была эйфория среди тех, кто связывал с переменой власти надежды на действительное преобразование России в страну подлинной демократии. И Блок воспринял революцию с восторгом. В ней он усмотрел разрешение извечной трагедии лично-

¹ Книга А. Аверченко «Дюжина ножей в спину революции», изданная в Париже в 1921 году, удостоилась язвительной рецензии самого Ленина, озаглавленной «Талантливая книжка» (Правда, 1921, 22 ноября): «Это — книжка озлобленного почти до умопомрачения белогвардейца», — так начинает Ленин свой разбор. А между тем, в предисловии Аверченко к своей книге черным по белому написано: «Нужна была России революция? Конечно, нужна. Что такое революция? Это — переворот и избавление. Но когда избавитель перевернуть — перевернул, избавить — избавил, а потом и сам плотно уселся на ваш загорбок, что снова и еще хуже задыхаетесь вы в предсмертной тоске и судороге голода и собачьего существования, когда и конца-краю не видно этому сиденью на вашем загорбке, то тогда черт с ним и с избавителем этим!» (Цит. по: Аверченко А. Дюжина ножей в спину революции. Рига, 1990. С. 4–5). Выходит, что Аверченко несколько не сомневался в необходимости революции, но он решительно выступал против тех, кто воспользовался ее плодами для установления новой формы деспотии.

² Почти полсотни статей, написанных И. Эренбургом в годы гражданской войны, впервые собраны в книге: Эренбург И. На тонущем корабле. Статьи и фельетоны 1917–1919 гг. (Сост. А.И. Рубашкин). СПб., 2000.

сти: «Революция — это: я — не один, а мы. Реакция — одиночество, бездарность, мять глину», — записывал он 16 февраля 1917 года³. В революции Блок усматривал событие колоссального исторического значения — выход России из тупика, куда ее завело самодержавие, к грядущему величию. Вот дневниковая запись от 14 апреля 1917 года: «...Волею судьбы я поставлен свидетелем великой эпохи»⁴. А вот запись, сделанная 22 апреля: «Всё будет хорошо. Россия будет великой. Но как долго и как трудно дождаться»⁵. Захват же власти большевистскими Советами в октябре 1917 года он воспринял как конец колебаниям, говорильне, топтанию на месте, как решительную меру по осуществлению чаяний, во имя которых совершалась революция.

В статье «Интеллигенция и революция» узнаются черты древнего жанра русской публицистики — жанра *слова*. Статья Блока — это слово, обращенное к русской интеллигенции. С самых первых строк Блок вступает в полемику с теми, кто не принял Октябрьский переворот: «Россия гибнет», «России больше нет», «вечная память России» — слышу я вокруг себя». И вся статья представляет собою диалог поэта с воображаемыми оппонентами. Он пытается объяснить крайности, которыми сопровождается революция, как акты народного возмездия тому миру, где его столетиями обманывали и унижали:

Почему «долой суды»? — Потому, что есть Томы «уложенный» и томы «разъяснений», потому, что судья — барин и «аблакат» - барин, толкуют промеж себя о «деликте», происходит «судоговорение»...

Почему дырявят древний собор? — Потому, что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой.

Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? — Потому, что там насиловали и пороли девок: не у того барина, так у соседа.

Почему вают столетние парки? — Потому, что сто лет под этими и развесистыми липами и кленами господка показывали свою власть: тыкали в нос нищему — мощной, а дураку — образованностью.

По Блоку, разрушительные эксцессы, которыми сопровождается утверждение новой власти, есть неизбежные накладные расходы всякого революционного обновления, тем более такого, в котором главной силой выступает стихийная народная масса:

Что же вы думали? Что революция — идиллия? Что творчество ничего не разрушает на своем пути? Что народ — паинька? (...) И, наконец. Что так бескровно и так

³ Блок А. Собр. соч.: В 8 тт. Т. 7. М.-Л., 1962. С. 328. Далее, кроме специально оговоренных случаев, ссылки даются по этому изданию.

⁴ Блок А. Записные книжки. М., 2000. С. 118. (В этом издании представлены записи, которые были купированы в советских изданиях дневников поэта.)

⁵ Там же. С. 120.

«безболезненно» разрешится вековая распря между «черной» и «белой» костью, между «образованными» и «необразованными», между интеллигенцией и народом? (Т. 6. С. 8)

Вся статья Блока — это призыв к интеллигенции переступить через свой ужас перед разрушительной стихией народной революции, понять ее справедливость и встать на ее сторону. Однако показательно, что свою систему аргументов Блок развивает не столько на языке логических суждений и доказательств, сколько на языке поэзии. Так, характеризуя духовную атмосферу, которая господствовала в царской России, Блок вводит образы с негативной экспрессией, которые родились в его стихах, написанных в 1907-1916 годы (циклы «Страшный мир», «Ямбы»): «долгая, бессонная, наполненная призраками ночь», «бремя сумасшедшей скуки и бессмысленного безделья». А свое восприятие революции он выражает через обращение к весьма распространенной ассоциации революции с бурей. Отталкиваясь от фразы известного историка Т. Карлейля о том, что демократия приходит «опоясанная бурей»⁶, Блок создает ряд метафор: «Россия — буря», «революция, как грозовой вихрь, как снежный буран», «водоворот», «над Россией (...) пролетает мировой циклон». Совершенно очевидна положительная экспрессия этого образного ряда.

Ключевое же место в системе символов-метафор в статье «Интеллигенция и революция» принадлежит *образу музыки*. В художественном сознании Блока этот образ имел значение универсальной философии. Он был синонимом того, что принято называть «потаенный смысл», «органическая закономерность самого процесса бытия», «скрытая гармония», «Гармония есть согласие мировых сил, порядок мировой жизни» (Т. 6. С. 161) и которые можно постигнуть не рассудком, а иррационально — неким верхним чутьем, обостренным душевным слухом, мистическим наитием⁷. По Блоку, такой чуткостью к мировой музыке обладает подлинный художник, он претворяет ее в «звуковые волны, родные волнам, объемлющим вселенную»: «Поэт — сын гармонии»; «поэт — это — носитель ритма»⁸.

В мировидении Блока паре «музыкальность — немзыкальность» принадлежит роль универсальных ценностных критериев. С этой мерой он подходит и к событиям 1917 года: оце-

⁶ Книга Т. Карлейля «Французская революция» была издана в России в 1907 году.

⁷ Некое приближенное толкование своего образа-философии Блок дает в следующей своей записи, сделанной как раз в дни работы над статьей «Интеллигенция и революция»: «Чувство не благополучия (музыкальное чувство, ЭТИЧЕСКОЕ — на вашем языке) — где оно у вас?» (5 января 1918 года. Т. 7. С. 315).

⁸ Блок А. Дневник 1921 года. 7 февраля. Т. 7. С. 404. И Шиллер Блоку потому «так бесконечно близок», что соединяет «человека с музыкой» (Дневник 1919 г, 27 марта. Т. 7. С. 357).

нивает и политические отношения (так, о возможном соглашении между интеллигенцией и большевиками пишет, что «по внутреннему побуждению это будет соглашение *музыкальное*»⁹), и культурные эпохи («великое *музыкальное* прошлое гуманизма», Т. 7. С. 362), и поведение целых социальных слоев («Русская интеллигенция — устремление к религии, опять — преждевременное, новая *антимузыкальность*», Т. 7. С. 358), и принципы издательской политики («...Выбор для «Всемирной литературы», руководствуясь *музыкой*», Т. 7. С. 364), даже и отдельные человеческие характеры («Пешехонов гораздо музыкальнее Ленина»¹⁰).

В статье «Интеллигенция и революция» образ музыки становится тем структурообразующим стержнем, которым увязываются в единое смысловое целое оба ряда антагонистических макрообразов: один ряд — «глухая и одинокая ночь», «сумасшедшая скука и бессмысленное безделье», другой ряд — «революционная буря», «народная стихия».

Русская революция представляется Блоку не просто следствием социальных антагонизмов, политических провалов, бессмысленной войны, которые в конце концов подорвали устои российской государственности, в ней, в русской революции, он скорее видит проявление неких таинственных процессов, которые обнимают весь мир, всю планету, — только в русской революции они вырвались наружу. «...Поток, ушедший в землю, протекавший бесшумно в глубине и тьме, — вот он опять шумит; и в шуме его — новая музыка», — такую поэтическую аналогию находит Блок произошедшему социальному взрыву. Из этой аналогии выводятся следующие сравнения и метафоры: революция «сродни природе», значит, она есть музыка. Народ же, как полагает Блок — «бессознательный носитель духа музыки»¹¹. Предположение о том, что народ интуитивно чувствует мировые ритмы и живет в согласии с ними, сформировалась у Блока еще под впечатлением первой русской революции, в 1917 году предположение переросло в убеждение — «народ русский ...есть великая *творче-*

ская сила». А подкрепляет Блок эту весьма ответственную политическую формулу художественными аналогиями: написанием о главном герое русского фольклора («... народ русский, как Иванушка-дурачок, только что с кровати схватился»), который оказался не глупее своих старших братьев, и отсылкой к гоголевскому образу Руси-тройки (призыв к художникам «слушать ту музыку, которой гремит «разорванный ветром воздух»»¹²).

Из своих поэтических аналогий и ассоциаций, не выходя за пределы единого метафорического ряда, Блок делает вывод: «...Мы должны слушать и любить те же звуки теперь, когда они вылетают из мирового оркестра». Это уже вполне определенный политический призыв к русской интеллигенции — встать на сторону восставшего народа, принять революцию

Следует подчеркнуть: Блок полагает, что на интеллигенцию и ее наиболее чутких представителей — художников, продолжателей традиций Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого (их имена упоминаются в статье «Интеллигенция и революция»), во времена народных бунтов и революций ложится великая миссия. Еще до того, как произошел Октябрьский переворот, а именно 7 августа 1917 года поэт записывал в дневнике: «*И вот задача русской культуры — направить этот огонь на то, что нужно сжечь; буйство Стеньки и Емельки превратить в волевою музыкальную волну*» (Т. 7. С. 297). Иначе говоря, «поэт — сын гармонии», должен придавать народной стихии осмысленность — «музыкальность». И свою статью Блок завершает тем, что знаменитую сентенцию мудрого Сократа («слушаться духа музыки») актуализирует в современном историческом контексте: «*Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию*».

Статью «Интеллигенция и революция» Блок писал практически одновременно с поэмой «Двенадцать». Эти произведения творятся в едином ассоциативном ключе, окружены единой образной аурой. Но все-таки «Двенадцать» — это поэма. А «Интеллигенция и революция» — публицистическая статья. Но как раз эта статья — это яркий образец *поэтической* публицистики. Система силлогизмов здесь образуется не из логических суждений, а из сцепления тропов — метафор, сравнений, гипербола. Аппеляции к авторитетам, этот весьма характерный для публицистики риторический прием, осуществляется через вовлечение в актуальный диалог интертек-

⁹ Из ответа на анкету «Может ли интеллигенция работать с большевиками?» // Т. 6. С. 8. (Курсив наш — авт.)

¹⁰ Эту аттестацию Ленину дал А.Г. Горнфельд, известный литературный критик, в телефонном разговоре с Блоком, но совершенно очевидно, что Горнфельд в данном случае старался вести спор с Блоком на языке его метафор (Из записи телефонного разговора с А.Г. Горнфельдом 24 февраля 1918 года // Блок А. Записные книжки. М., 2000. С. 138).

¹¹ Эта дневниковая запись сделана 27 марта 1919 года, спустя год после написания статьи «Интеллигенция и революция» (Т. 7. С. 358).

Как известно, миф о якобы генетически присущем простому народу интуитивном чувстве истории впервые обстоятельно развил Л. Толстой в «Войне и мире», в дальнейшем этот миф стал одной из аксиом революционно-демократической и народнической идеологии. Но Блок пришел к нему опытом собственных проб и ошибок — через то, что он назвал «трилогией вочеловечения».

¹² Этому убеждению Блок сохранял верность и позже, уже в пору «красного террора». «Нет, мы не можем быть «вне политики», потому что мы предадим этим музыку, которую можно услышать только тогда, когда мы перестанем прятаться от чего бы то ни было», — дневниковая запись, сделанная 28 марта 1919 года (Т. 7. С. 359).

ста — отсылки к именам великих художников, к строкам из художественных произведений, к афоризмам мудрецов и ученых. Все эти способы высказывания заражены экспрессией автора и убеждают эмоциональной силой.

Судя по всему, Блок вполне продуманно избрал подобный способ убеждения. Он считал, что в ситуации ожесточения и разгрома, «всё, кроме музыки, всё, что без музыки, всякая «сухая материя» — сейчас только разбудят и озлят зверя». Значит, надо пробуждать в людях сознание высшего смысла революции, понимание ее созидательных целей. И сделать это можно опять-таки тем языком, на котором совершается душевное общение, языком поэтическим («языком музыки»): «До человека без музыки сейчас достучаться нельзя», — утверждает Блок.

Вместе с тем, Блок отдавал себе отчет в том, что те формы высказывания, которые он применял в своих статьях, достаточно зыбки и условны, он называл их «поневоле шаткими и метафорическими выражениями» (Т. 7. С. 406). В традиционной публицистике такие качества авторского дискурса вовсе не считаются достоинством, скорее — наоборот. Примечательно, что среди множества упреков, которые услышал Блок от своих коллег после появления статьи «Интеллигенция и революция», был и такой: «Невменяемость» (просит не обижаться). *Поэтический подход*¹³.

Но поэтический язык, на котором Блок выразил свою политическую позицию, вовсе не был

непонятен его современникам. Например, в некрологе памяти поэта О. Мандельштам писал: «Не надивимся историческому чутью Блока. Еще задолго до того, как он умолял слушать музыку революции, Блок слушал *подземную музыку русской истории*»¹⁴, — величие Блока его младший современник определял на языке блоковских метаобразов.

Однако, поэтическая аргументация Блока в защиту Октябрьской революции не убедила большинство его современников. З.Н. Гиппиус и А.Н. Чеботаревская в самой резкой форме осудили его за то, что помогает «тем, кому не следует», Андрей Белый прислал «сочувственное и остерегающее письмо»¹⁵. А ведь именно и только с этими тремя Блок чувствовал, как он писал, «близь души»¹⁶. Поддержали его немногие — среди них не только наркомпрос советской России А.В. Луначарский, но и идеолог «Скифов» Р.В. Иванов-Разумник.

Сам Блок продолжал чутко вслушиваться в гулы времени, стараясь улавливать в событиях революции музыку, сулящую грядущую гармонию. Ему пришлось быть свидетелем большевистского террора, пройти через испытание угрозой голодной смерти, подвергаться обыскам, несколько дней провести на нарах в знаменитой тюрьме на Гороховой улице. 3 мая 1919 года он записывает в своем дневнике: «Кто погубил революцию (дух музыки)? — Война». Несомненно, имеется в виду война гражданская — братоубийственная и до дикости кровавая.